

лексии самосознания к добру; третье, которое здесь, в своем переходе, есть истина добра и субъективности, есть поэтому также истина субъективности и права. *Нравственное* есть субъективное умонастроение, но субъективное умонастроение в себе сущего права; утверждение, что эта идея есть истина понятия свободы, не может быть предпосланым, взятым из чувства или каких-либо других источников, но в философии может быть только *доказанным*. Его дедукция состоит лишь в том, что право и моральное самосознание являются себя в самих себе и возвращающимися в эту идею как в свой *результат*. Те, кто полагают, что в философии можно обойтись без доказательств и дедуцирования, обнаруживают, как они далеки еще даже от первой мысли о том, что есть философия; они могут говорить о чем угодно, но говорить о философии не имеют права те, кто хочет говорить, не прибегая к понятию.

Прибавление. Обоим рассмотренным до сих пор принципам — как абстрактному доброму, так и совести — недостает их противоположности: абстрактное добро улетучивается, превращаясь в нечто совершенно бессильное, в которое я могу вносить любое содержание, а субъективность духа становится не менее бессодержательной, поскольку она лишена объективного значения. Поэтому может возникнуть стремление к объективности, в которой человек предпочитет унизиться до состояния раба и до полной зависимости, лишь бы избежнуть мучений пустоты и негативности. Если недавно некоторые протестанты перешли в католичество, то это произошло потому, что они нашли свой внутренний мир лишенным содержания и ухватились за нечто прочное, некую опору, за авторитет, хотя то, что они получили, и не было прочностью мысли. Единство субъективного и объективного в себе и для себя сущего добра есть *нравственность*, и в ней примирение происходит согласно понятию. Ибо если моральность есть форма воли вообще со стороны субъективности, то нравственность не только субъективная форма и самоопределение воли, но имеет содержанием свое понятие, а именно свободу. Правовое и моральное не могут существовать для себя, они должны иметь своим носителем и своей основой нравственное, ибо праву недостает момента субъективности, который моральность имеет только для себя, и, таким образом, оба момента для себя не обладают действительностью. Лишь бесконечное, идея, действительно: право существует только как ветвь целого, как растение, обивающееся вокруг некоего в себе и для себя прочного дерева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ НРАВСТВЕННОСТЬ

§ 142

Нравственность есть *идея свободы*, как живое добро, которое в своем самосознании имеет свое знание, воление, а через его действие свою действительность, равно как самосознание имеет в нравственном бытии свою в себе и для себя сущую основу и движущую цель; нравственность есть *понятие свободы, ставшее наличным миром и природой самосознания*.

§ 143

Так как это единство *понятия* воли и ее наличного бытия, которое есть особенная воля, есть знание, то существует сознание различия этих моментов идеи, но так, что каждый из них есть для самого себя тотальность идеи и имеет ее своей основой и содержанием.

§ 144

а) Объективно нравственное, вступающее на место абстрактного добра, есть субстанция, ставшая *конкретной* через субъективность как *бесконечную форму*. Поэтому она полагает в себе *различия*, которые, следовательно, определены понятием; благодаря этому нравственное обладает прочным *содержанием*, которое в себе необходимо и обладает прочным пребыванием, стоящим выше субъективного мнения и желания; это *в себе и для себя сущие законы и учреждения*.

Прибавление. В целом в нравственности есть как объективный, так и субъективный момент, но оба они суть только ее формы. Добро — здесь субстанция, т. е. наполнение объективного субъективным. Если рассматривать нравственность с объективной точки зрения, то можно сказать, что нравственный человек сам не осознает себя. В этом смысле Антигона говорит, что никто не знает, откуда пришли законы; они вечно, т. е. они в себе и для себя суть сущее, вытекающее из природы вещей определение. Однако это субстанциальное обладает не в меньшей степени и сознанием, хотя последнему всегда присуще только положение момента.

§ 145

То обстоятельство, что нравственное есть *система* этих определений идеи, составляет его *разумность*. Оно есть, таким образом, свобода или в себе и для себя сущая воля как объективное, как круг необходимости, моменты которого — *нравственные силы*, управляющие жизнью индивидов и имеющие в них как в своих акциденциях свое представление, являющийся образ и действительность.

Прибавление. Поскольку нравственные определения составляют понятие свободы, они суть субстанциальность или всеобщая сущность индивидов, которые относятся к ним только как нечто акцидентальное. Есть ли индивид, объективной нравственности безразлично, она одна только есть пребывающее и сила, управляющая жизнью индивидов. Поэтому нравственность представляли народам как вечную справедливость, как в себе и для себя сущих Богов, по сравнению с которыми суетные деяния индивидов остаются лишь игрой волн.

§ 146

β) Субстанция знает себя в этом своем *действительном самосознании* и тем самым есть объект знания. Для субъекта нравственная субстанция, ее законы и силы имеют, с одной стороны, в качестве предмета отношение, что они суть в высшем смысле самостоятельности, имеют абсолютный, бесконечно более надежный авторитет, более прочную силу, чем бытие природы.

Примечание. Солнце, луна, горы, реки, вообще окружающие нас объекты природы *суть*, они обладают для сознания авторитетом, внушающим ему, что они не только вообще *суть*, но и обладают особенной природой, которую оно признает и с которой оно сообразуется в своем отношении к ним, в своем обращении с ними и пользовании ими. Авторитет нравственных законов бесконечно более высок, так как предметы природы изображают разумность лишь совершенно *внешним и разрозненным* образом и скрывают ее под образом случайности.

§ 147

С другой стороны, законы и силы нравственной субстанции не суть для субъекта нечто *чуждое*, но он свидетельствует о них *свидетельством духа* как о *своей собственной сущности*, в которой он обладает своим *самочувствием* и живет как в своей не отличающейся от него стихии, —

отношение, непосредственно еще более тождественное, чем *вера и доверие*.

Примечание. Вера и доверие принадлежат начинающейся рефлексии и предполагают представление и различие; так, например, не одно и то же верить в языческую религию и быть язычником. Это отношение, или, вернее, лишенное отношения тождество, в котором нравственность есть действительная жизненность самосознания, может, правда, перейти в отношение веры и убеждения, а также в отношение, опосредствованное дальнейшей рефлексией, в понимание посредством оснований, которые также могут отправляться от особенных целей, интересов и соображений страха и надежды или от исторических предпосылок. Однако *адекватное познание* их есть дело мыслящего понятия.

§ 148

В качестве этих субстанциальных определений законы и силы нравственной субстанции суть для индивида, который отличается от них как субъективное и в себе неопределенное или как особенным образом определенное, следовательно, относится к ним как к своему субстанциальному; *обязанности*, связывающие его волю.

Примечание. Этическое учение об обязанностях, т. е. такое, как оно *объективно* есть, а не такое, как оно якобы содержится в пустом принципе моральной субъективности, который ничего не определяет (§ 134), есть поэтому следующее в этой третьей части систематическое развитие сферы нравственной необходимости. Отличие этого изложения от формы *учения об обязанностях* заключается лишь в том, что в последующем изложении нравственные определения выступают как необходимые отношения и на этом изложение останавливается, не добавляя к каждому из них: *следовательно, это определение есть для человека обязанность*. Учение об обязанностях, поскольку оно не есть наука философская, берет свой материал из существующих отношений и показывает его связь с собственными представлениями, преднаходимыми основоположениями и мыслями, целями, влечениями, ощущениями и т. д. и может добавлять в качестве оснований дальнейшие следствия каждой обязанности в ее отношении к другим нравственным отношениям, а также к благу и мнению. Но имманентное и последовательное учение об обязанностях может быть только развитием *отношений*, которые благодаря идее свободы необходимо и поэтому *действительно* во всем своем объеме суть в государстве.

§ 149

В качестве *ограничения связывающая обязанность* может выступать лишь по отношению к неопределенной субъективности или к абстрактной свободе и по отношению к влечениям природной или определяющей свое неопределенное добро, только руководствуясь своим произволом, моральной волей. Однако индивид находит в связности скорее свое *освобождение*, отчасти от зависимости, в которой он находится под властью чисто природных влечений, отчасти от стесненности, испытываемой им в качестве субъективной особенности в моральных рефлексиях о долженствовании и дозволении, отчасти от неопределенной субъективности, не достигающей наличного бытия и объективной определенности действования и остающейся *в себе* и как некая недействительность. В обязанности индивид освобождает себя к субстанциальной свободе.

Прибавление. Обязанность ограничивает только произвол субъективности и сталкивается только с абстрактным добром, которого придерживается субъективность. Когда люди говорят, что мы хотим быть свободными, то это прежде всего означает только: мы хотим быть абстрактно свободными, и тогда каждое определение и расчленение в государстве рассматривается как ограничение этой свободы. Поэтому обязанность есть ограничение не свободы, а лишь ее абстракции, т. е. несвободы: она есть достижение сущности, обретение утвердительной свободы.

§ 150

Нравственное, поскольку оно рефлектируется в индивидуальном, определенном природой характере как таковом, есть *добродетель*; в той мере, в какой она проявляется лишь в простом соответствии индивида своим обязанностям, по отношению к тем условиям, в которых он находится, она есть *добропорядочность*.

Примечание. Что должен человек делать, *каковы* обязанности, которые он должен исполнять, чтобы быть добродетельным, сказать в нравственном общественном союзе легко: он должен делать только то, что ему в его условиях предписано, высказано и известно. Добропорядочность есть всеобщее, что от него можно требовать отчасти в правовом, отчасти в нравственном отношении. Но с моральной точки зрения она легко может показаться чем-то второстепенным, чем-то таким, сверх чего можно требовать еще большего от себя и других, ибо желание быть чем-то *особенным* не удовлетворяется тем, что есть в себе и для

себя сущее и всеобщее; лишь в *исключении* оно находит сознание своего своеобразия. *Различные стороны добродетели*, по скольку они также собственность индивида, хотя в сравнении с другими и не особенная. Но разговоры о добродетели как *таковой* часто граничат с пустой декламацией, так как тем самым речь идет лишь об абстрактном и неопределенном; к тому же такие разговоры с их обоснованиями и изложением обращены к индивиду как произволу и субъективному желанию. При наличии нравственного состояния, чьи отношения вполне развиты и осуществлены, подлинная добродетель находит свое место и действительность лишь при чрезвычайных обстоятельствах и коллизиях между этими отношениями — в истинных *коллизиях*, ибо моральная рефлексия может повсюду создавать себе коллизии и породить сознание о чем-то особенном и принесенных *жертвах*. В нецивилизованном состоянии общества и общественного союза чаще встречается поэтому форма добродетели как *таковой*, ибо здесь нравственное и его осуществление есть в большей степени индивидуальное желание и проявление своеобразной гениальной натуры индивида; так, в древности добродетель приписывалась преимущественно *Гераклу*. И в древних государствах, где нравственность не достигла уровня такой свободной системы самостоятельного развития и объективности, этот недостаток должен был восполняться присущей индивидам гениальностью. Учение о добродетелях, в той мере, в какой оно не есть просто учение об обязанностях и, следовательно, охватывает особенное, основанное на природной определенности характера, является, таким образом, историей *духовной природы*.

Так как добродетели суть нравственное в применении к особенному и с этой субъективной стороны — неопределенное, то для их определения выступает количественный момент большего и меньшего; их рассмотрение приводит поэтому к установлению противостоящих им недостатков или пороков, как, например, у Аристотеля, который поэтому определяет особенную добродетель по ее истинному смыслу как середину между *слишком много* и *слишком мало*⁷⁷. То же содержание, которое принимает форму *обязанностей*, а затем *добродетелей*, имеет и форму *влечений* (§ 19, примечание). Влечения также имеют своей основой то же содержание, но, так как оно еще принадлежит в них непосредственной воле и природному чувству и не достигло еще в своем развитии определения нравственности,

у влечений общим с содержанием обязанностей и добродетелей является лишь абстрактный предмет, который в качестве лишенного определенности не содержит для них в себе самом границы добра или зла, или, иначе говоря, они суть *добрые*, если абстрагировать позитивное, и, наоборот, *злые*, если абстрагировать негативное (§ 18).

Прибавление. Если человек совершает тот или иной нравственный поступок, он еще не добродетелен; добродетелен он лишь в том случае, если эта манера поведения является постоянной чертой его характера. Добродетель скорее нравственная виртуозность, и если в наши дни о добродетели говорят меньше, чем раньше, то это объясняется тем, что нравственность уже не является в такой степени формой особенного индивида. Французы — народ, который больше всего говорит о добродетели; происходит это потому, что у них индивид в большей степени создание своего своеобразия и природного способа действования. Немцы, напротив, более склонны к мышлению, и у них то же содержание обретает форму всеобщности.

§ 151

Но в простом тождестве с действительностью индивидов нравственное является себя как их всеобщий образ действий, как *нравы, привычка к нравственному, как вторая природа*, которая, положенная вместо первой, чисто природной воли, есть всепроникающая душа, значимость и действительность ее наличного бытия, живой и наличный, как мир, *дух*, субстанция которого только таким образом и есть как дух.

Прибавление. Подобно тому как у природы есть свои законы, как животное, деревья, солнце выполняют свой закон, так и нравы суть то, что принадлежит духу свободы. Нравы являются тем, чем не являются еще право и мораль, а именно духом. Ибо в праве особенность еще не есть особенность понятия, а лишь особенность природной воли. Также и на точке зрения моральности самосознание еще не есть духовное сознание. Там дело только в ценности субъекта в самом себе, т. е. субъект, определяющий себя согласно добру и в противоположность злу, имеет еще форму произвола. Здесь же, на точке зрения нравственности, воля есть как воля духа и обладает субстанциальным, соответствующим себе содержанием. Педагогика — это искусство делать людей нравственными: она рассматривает человека как природное существо и указывает путь, следуя которым он может вновь родиться, пре-

вратить свою первую природу во вторую, духовную, таким образом, что это духовное станет для него *привычкой*. В ней исчезает противоположность между природной и субъективной волей, борьба в субъекте пресечена, и тем самым привычка входит в нравственность так же, как она входит в философское мышление, ибо оно требует, чтобы дух был образован и противостоял произвольным фантазиям, чтобы они были пресечены и преодолены, дабы путь для разумного мышления был свободен. Человек умирает также вследствие привычки, т. е. он умирает тогда, когда всецело исчерпал жизнь привычкой, духовно и физически притупился, когда исчезла противоположность между субъективным сознанием и духовной деятельностью, ибо деятелен человек только постольку, поскольку он еще чего-то не достиг и хочет в этом направлении творить и проявлять свою значимость. Когда же это достигнуто, деятельность и жизненность исчезают, и наступающее тогда отсутствие интереса есть духовная или физическая смерть.

§ 152

Нравственная субстанциальность получила, таким образом, свое право, а это право — свою значимость, которая выразилась в том, что в нравственной субстанциальности исчезли своееволие и собственная совесть единичного, которая была бы для себя и составила бы противоположность ей, так как нравственный характер знает своей движущей целью неподвижное, но в своих определениях раскрытое в действительную разумность всеобщее и познает, что его достоинство, как и всякое пребывание особенных целей, основано в нем и он действительно имеет их в себе. Субъективность сама есть абсолютная форма и существующая действительность субстанции, и отличие субъекта от нее как от своего предмета, своей цели и силы есть вместе с тем лишь столь же непосредственно исчезнувшее различие формы.

Примечание. Субъективность, составляющая почву существования для понятия свободы (§ 106) и на точке зрения моральности еще отличающаяся от этого своего понятия, есть в нравственности адекватное ему существование.

§ 153

Право индивидов на свое субъективное определение к свободе находит свое осуществление в том, что они принадлежат к нравственной действительности, поскольку их-

уверенность в своей свободе имеет в такой объективности свою истину и они действительно обладают в нравственном своей собственной сущностью, своей внутренней всеобщностью (§ 147).

Примечание. На вопрос отца, каков лучший способ нравственно воспитать сына, пифагореец (этот ответ приписывают и другим) ответил: сделай его гражданином государства, в котором действуют хорошие законы⁷⁸.

Прибавление. Педагогические попытки изъять человека из всеобщей жизни современности и воспитать его в сельской местности (*Russo* в «Эмиле») оказались безуспешными, потому что отчуждение человека от законов мира удастся не может. Хотя воспитание юношей и должно происходить в одиночестве, но ведь не следует думать, что веяние духовного мира не проникнет в конце концов в это одиночество и что сила мирового духа слишком слаба, чтобы овладеть этими отдаленными областями. Лишь тем, что он гражданин хорошего государства, индивид достигает своего права.

§ 154

Право индивидов на свою особенность также содержится в нравственной субстанциальности, ибо особенность есть внешний способ, в котором существует нравственное.

§ 155

В этом тождестве всеобщей и особенной воли *обязанность и право* тем самым совпадают, и человек обладает посредством нравственного правами постольку, поскольку у него есть обязанности, и обязанностями, поскольку у него есть права. В абстрактном праве я имею право, а другой — обязанности в отношении этого права, в области морали право на мое собственное знание и воление, а также на мое благо *должно* быть лишь в единении с обязанностями и объективным.

Прибавление. Раб не может иметь обязанностей, их имеет только свободный человек. Если бы у одной стороны были все права, а у другой — все обязанности, то целое распалось бы, так как только тождество есть та основа, которую здесь следует иметь в виду.

§ 156

Нравственная субстанция как содержащая для себя сущее самосознание в единении с его понятием есть действительный дух семьи и народа.

Прибавление. Нравственное не абстрактно, подобно доброму, а в самом интенсивном смысле действительно. Дух обладает действительностью, и ее акциденции суть индивиды. При рассмотрении нравственности возможны поэтому лишь две точки зрения — либо мы исходим из субстанциальности, либо рассуждаем атомистически и поднимаемся от единичности, положив ее в качестве основы; эта последняя точка зрения лишена духа, так как она ведет лишь к сочетанию отдельных частей, дух же не есть единичное, а единство единичного и всеобщего.

§ 157

Понятие этой идеи есть только как дух, как знающее себя и действительное, поскольку оно есть объективирование самого себя, движение посредством формы своих моментов. Поэтому оно: А) непосредственный, или *природный, нравственный дух — семья*.

Эта субстанциальность переходит в утрату своего единства, в раздвоение и в точку зрения относительного и есть, таким образом, В) *гражданское общество, объединение членов в качестве самостоятельных, единичных в формальной*, таким образом, *всеобщности на основе их потребностей и через правовое устройство в качестве средства обеспечения безопасности лиц и собственности и через внешний порядок для их особенных и общих интересов; и это внешнее государство С) возвращается и концентрируется в цели и действительности субстанциального всеобщего и посвященной ему публичной жизни, — в государственном устройстве.*

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СЕМЬЯ

§ 158

Семья как *непосредственная субстанциальность духа* имеет своим определением свое *чувствующее себя единство, любовь*, так что умонастроение внутри семьи состоит в обладании самосознанием своей индивидуальности в этом единстве как в себе и для себя сущей существенности, чтобы являть себя в ней не как лицо для себя, а как член этого единства.

Прибавление. Любовь означает вообще сознание моего единства с другим, то, что я не изолирован для себя, а обретаю мое самосознание только как отказ от своего для-себя-бытия и посредством знания себя как своего единства

с другим и другого со мной. Но любовь есть чувство, другими словами, нравственность природного в форме: в государстве любви уже нет, в нем единство сознается как закон, в нем содержание должно быть разумным, и я должен его знать. Первым моментом в любви является то, что я не хочу быть самостоятельным лицом для себя и что, если бы я был таковым, я чувствовал бы свою недостаточность и неполноту. Вторым моментом является то, что я обретаю себя в лице другого, что я обладаю в нем значимостью, которую он в свою очередь обретает во мне. Поэтому любовь — самое чудовищное противоречие, которое рассудок не может разрешить, так как нет ничего более неподатливого, чем эта пунктирность самосознания, она отрицается, и я все-таки должен аффирмативно ею обладать. Любовь есть одновременно создание и разрешение противоречия; в качестве его разрешения она — нравственное единение.

§ 159

Право, которое принадлежит *единичному* на основе семейного единства и которое есть ближайшим образом его жизнь в самом этом единстве, лишь постольку выступает в *форме правового* как абстрактного момента *определенной единичности*, поскольку семья начинает распадаться, и те, которые должны быть ее членами, становятся по своим убеждениям и в действительности самостоятельными лицами, и то, что они составляли в семье как определенный момент, они теперь получают только в обособленности, следовательно, лишь с внешних сторон (имущество, пропитание, расходы на воспитание и т. п.).

Прибавление. Право семьи состоит по существу в том, что ее субстанциальность должна иметь наличное бытие; следовательно, это право, направленное против внешнего и против выступления из этого единства. Напротив, любовь есть в свою очередь чувство, нечто субъективное, на которое единение не может изъявлять притязание. Следовательно, если требуют единения, то это требование может распространяться только на те вещи, которые по своей природе внешни и не обусловлены чувством.

§ 160

Семья завершается в следующих трех сторонах:
а) в образе своего непосредственного понятия как *брак*;

- b) во внешнем наличном бытии, в *собственности и имуществе семьи* и заботе об этом;
- c) в *воспитании* детей и распаде семьи.

A. Брак

§ 161

В браке как в *непосредственном нравственном отношении* содержится, *во-первых*, момент природной жизненности, а именно как субстанциальное отношение жизненность в ее тотальности, в качестве действительности *рода* и его процесса. Но *во-вторых*, в самосознании лишь *внутреннее или в себе* сущее и тем самым в своем существовании лишь внешнее *единство* естественных полов преобразуется в *духовное единство*, в самосознательную любовь.

Прибавление. Брак есть по своему существу нравственное отношение. Раньше, особенно в большинстве сочинений по естественному праву, брак рассматривался лишь с физической стороны, со стороны того, что он есть от природы. Его рассматривали, таким образом, только как отношение полов, и какой бы то ни было иной путь к другим определениям брака оставался закрытым. Но столь же грубо понимание брака как чисто гражданского контракта — представление, которое встречается еще даже у Канта; в таком контракте произвол обеих сторон выступает в договоре, где определяется отношение индивидов друг к другу и брак низводится до формы взаимного соответствующего договору потребления. Третье, также подлежащее осуждению представление полагает брак лишь в любви; любовь же, будучи чувством, допускает всевозможные случайности — образ, который нравственность не должна иметь. Поэтому брак следует точнее определить таким образом: он есть правовая нравственная любовь; тем самым исключается все преходящее, зависящее от настроения и просто субъективное.

§ 162

Субъективным исходным пунктом брака может преимущественно являться либо *особенная склонность лиц*, вступающих в это отношение, либо *забота* или определенные действия родителей и т. д.; но объективным исходным пунктом является свободное согласие лиц, причем согласие на то, чтобы *составить одно лицо*, отказаться в этом единстве от своей природной и единичной личности; такое единство есть в этом отношении самоограничение, но именно

потому, что упомянутые лица обретают в нем свое субстанциальное самосознание, оно есть их освобождение.

Примечание. Объективным назначением, а тем самым и нравственной обязанностью является вступление в брак. Характер внешнего исходного пункта по своей природе случаен и зависит преимущественно от типа рефлексии. Одна крайность состоит в том, что начало кладется предсмотрильностью благожелательных родителей и взаимная склонность лиц, предназначенных к объединению в любви, возникает из того, что они узнают об этом предназначении; другой крайностью являются те случаи, когда склонность возникает сначала в лицах как в этих бесконечно партикуляризованных лицах. Первую крайность, вообще путь, началом которого служит решение вступить в брак, а склонность является следствием этого, так что к моменту действительного вступления в брак то и другое соединено, можно рассматривать как более нравственный путь. В другой крайности предъявляет свои притязания бесконечно особенное своеобразие, связанное с субъективным принципом современного мира (см. выше, § 124, прим.). В современных драмах и других произведениях искусства, где половая любовь составляет главный интерес, встречающийся там элемент пронизывающего холода вводится в пыл изображаемой страсти посредством полной случайности, тем, что представляется, будто весь интерес сосредоточен только на *этих* лицах, что для них, может быть, и бесконечно важно, но в себе таковым не является.

Прибавление. У народов, где женщины не пользуются особым уважением, родители устраивают браки по своему произволу, не спрашивая вступающих в брак индивидов, и они повинуются этому, поскольку особенность чувства еще не предъявляет здесь своих притязаний. Девушке нужен лишь муж вообще, мужчине — жена вообще. В других условиях могут иметь решающее влияние соображения имущественного характера, связи, политические цели. В этих случаях может быть проявлена большая жесткость, так как брак превращается в средство для других целей. В новейшее время, напротив, единственно важным считается субъективный исходный пункт — *влюбленность*. При этом представляют себе, что каждый должен ждать, когда настанет его час, и что любовью можно одарить лишь определенного индивида.

§ 163

Нравственная сторона брака состоит в сознании этого единства как субстанциальной цели, следовательно, в любви, доверии и общности всего индивидуального существования; в такой настроенности и действительности природное влечение низводится на степень модальности природного момента, которому предназначено исчезнуть в его удовлетворении, духовная же связь выступает в *своем праве* в качестве субстанциального, тем самым в качестве возвышающегося над случайностью страстей и времененного особенного желания, в качестве *в себе* нерасторжимого.

Примечание. Что брак в его существенной основе не есть отношение договора, было уже замечено выше (§ 75), ибо сущность его именно и состоит в том, что он исходит из договорной точки зрения самостоятельной в своей единичности личности, чтобы *снять эту точку зрения*. Отождествление личностей, вследствие чего семья есть *одно лицо*, а ее члены акциденции (субстанция же есть существенно отношение ее самой к акциденциям, см. Энциклоп. философских наук)⁷⁹, есть нравственный дух; этот дух, для себя освобожденный от многообразных внешних черт, присущих ему в его наличном бытии, как пребывающий *в этих индивидах* и в различным образом определенных во времени интересах явления,— этот нравственный дух, поднятый как образ для представления, почитаемый в качестве пенатов⁸⁰, вообще составляет то, в чем заключается *религиозный* характер брака и семьи, заключается *питет*. Происходит дальнейшая абстракция, если божественное, субстанциальное отделяется от его наличного бытия, а чувство и сознание духовного единства фиксируется как то, что ошибочно называют *платонической любовью*; такое разделение связано с монашеским воззрением, посредством которого момент природной жизненности определяется как нечто совершенно *негативное*, и ему именно этим разделением сообщается бесконечная важность для себя.

Прибавление. Брак отличается от *сожительства* тем, что в последнем случае главное — в удовлетворении естественной потребности, тогда как в браке она оттесняется на второй план. Поэтому в браке, не краснея, говорят о таких естественных происшествиях, упоминание о которых во внебрачных отношениях вызвало бы чувство стыда. Поэтому брак *в себе* следует считать нерасторжимым, ибо цель брака носит нравственный характер, и она столь высока, что по сравнению с ней все остальное представ-

ляется бессильным и подчиненным ей. Браку не должна мешать страсть, ибо она подчинена ему. Но нерасторжим брак лишь *в себе*, ибо, как говорит Христос, лишь из-за жестокости их сердца дозволен развод⁸¹. Так как в браке заключен момент чувства, он не абсолютен, а неустойчив и содержит в себе возможность расторжения. Но законодательства должны всеми способами затруднить осуществление этой возможности и охранять право нравственности от случайного желания.

§ 164

Подобно тому как стипуляция договора уже для себя содержит подлинный переход собственности (§ 79), так и торжественное заявление о согласии на нравственные узы брака и соответствующее признание и подтверждение этого заявления семьей и общиной (что в этом случае выступает церковь, есть дальнейшее определение, которого мы здесь касаться не будем) составляет формальное *заключение брака в его действительности*; тем самым этот союз конституируется в качестве нравственного только посредством этой *предшествующей* церемонии, являющейся совершением *субстанциального* посредством знака, языка, как самого духовного наличного бытия духовного (§ 78). Чувственный момент, принадлежащий природной жизненности, полагается, таким образом, в нравственном отношении брака как следствие и акцидентность, принадлежащие внешнему наличному бытию нравственного союза, который может также ограничиваться взаимной любовью и помощью.

Примечание. Когда спрашивают, что следует рассматривать как основную цель брака, чтобы вывести из этого ответа законодательные определения или судить о них, то под этой главной целью понимают ту из отдельных сторон действительности брака, которую следует признать наиболее существенной по сравнению с другими. Но ни одна из сторон брака не составляет для себя весь объем его в себе и для себя сущего содержания, и та или иная сторона в существовании брака может отсутствовать, не нанося ущерба его сущности. Если *заключение брака* как таковое, торжественную церемонию, посредством которой высказывается и констатируется сущность этого союза как нравственного, стоящего выше *случайности* чувства и *особенной склонности*, считать *внешней формальностью* и лишь так называемым *гражданским требованием*, то этому акту остается только служить цели назидательности и удостове-

рения гражданского отношения или даже просто превратиться в чисто позитивный произвол гражданского или церковного установления, которое не только безразлично природе брака, но даже оскверняет чувство любви и как нечто чуждое противоречит интимности этого союза, поскольку душа человека из-за такого установления придает значение этому формальному заключению брака и рассматривает его как предшествующее условие полной взаимной преданности. Подобное мнение, претендующее на то, что дает любви высшее понятие свободы, глубины и завершенности, на самом деле отрицает в любви нравственное, то, что более высоко, — сдерживание и отеснение чисто природного влечения, которое естественным образом уже содержит в чувстве стыда и посредством более определенного духовного сознания возвышается до целомудрия и чистоты. Более точно следует сказать, что этим воззрением отвергается нравственное определение, которое состоит в том, что сознание выходит из своей природности и субъективности, концентрируется в мысли о субстанциальном и, вместо того чтобы все еще сохранять возможность обратиться к случайному и произволу чувственной склонности, изымает заключенный союз из сферы произвола, подчиняясь пленам, передает его субстанциальному, низводя чувственный момент до момента лишь обусловленного истинным и нравственным этого отношения и признанием этого союза как нравственного. Наглость и поддерживающий ее рассудок не способны постыть спекулятивную природу субстанциального отношения, — природу, которой соответствует, однако, нравственное, не испорченное чувство и законодательства христианских народов.

Прибавление. Что церемония заключения брака излипния и представляет собой формальность, без которой можно было бы обойтись, так как субстанциальным является любовь, а она даже теряет свою значимость благодаря этой торжественной церемонии, было высказано Фридрихом фон Шлегелем в «Люцинде» и его последователем⁸² в «Письмах анонима» (Любек и Лейпциг, 1800). Готовность к телесной близости представляется там как необходимое доказательство свободы и глубины любви — аргументация, не чуждая соблазнителям. Касаясь отношения между мужчиной и женщиной, следует заметить, что девушка, отдаваясь, жертвует своей честью, к мужчине же, поскольку он имеет еще другую сферу нравственной деятельности, это не относится. Назначение девушки состоит

существенно лишь в браке; следовательно, требование состоит в том, чтобы любовь обрела форму брака и чтобы различные моменты, заключающиеся в любви, получили свое истинно разумное отношение друг к другу.

§ 165

Природное назначение полов получает благодаря своей разумности *интеллектуальное и нравственное значение*. Это значение определено различием, на которое нравственная субстанциальность как понятие разделяется в себе самой, чтобы обрести из него свою жизненность как конкретное единство.

§ 166

Поэтому *один* пол есть духовное как развивающееся на *для себя* сущую личную самостоятельность и на знание и воление *свободной всеобщности*, на самосознание постигающей мысли и воление объективной конечной цели; *другой* пол представляет собой сохраняющееся в единении духовное как знание и воление субстанциального в форме конкретной *единичности и чувства*; первый пол является собой в своем отношении вовне сильное и деятельное начало, второй — пассивное и субъективное. Поэтому действительная субстанциальная жизнь мужчины проходит в государстве, в области науки и т. д. и вообще в борьбе и в труде, в отношениях с внешним миром и с самим собой, так что он завоевывает самостоятельное единение с собой только из своего раздвоения; спокойным же созерцанием и чувством субъективной нравственности он обладает в семье, где *женщина* имеет свое субстанциальное назначение и в этом *пиетете* свою нравственную настроенность.

Примечание. Поэтому в одном из возвышеннейших изображений этого чувства, в «Антигоне» Софокла, пиетет рассматривается преимущественно как закон женщины, как закон чувствующей субъективной субстанциальности, внутренней жизни, еще не достигшей своего полного осуществления, как закон древних богов, подземного царства, как вечный закон, о котором никто не знает, откуда он пришел, и который противоположен явному закону государства; эта наивысшая нравственная и поэтому трагическая противоположность находит в этом произведении свое индивидуализированное воплощение в женском и мужском начале.

Прибавление. Женщины могут быть образованными, однако для высших наук, философии и некоторых произ-

ведений искусства, требующих всеобщего, они не созданы. Женщины могут обладать воображением, вкусом, изяществом, но идеальным они не обладают. Различие между мужчиной и женщиной такое же, как между животным и растением: животное больше соответствует характеру мужчины, растение — больше характеру женщины, ибо она в большей степени является собой спокойное раскрытие, которому в качестве принципа дано более неопределенное единство чувства. Если женщины находятся во главе правительства, государство находится в опасности, так как они действуют не согласно требованиям всеобщего, а исходя из случайной склонности или мнения. К женщинам образование приходит неведомыми путями, как бы в атмосфере представления, больше из жизни, чем посредством приобретения знаний, тогда как мужчина достигает своего положения только посредством завоеваний мысли и многих технических усилий.

§ 167

Брак есть по существу моногамия, так как в это отношение вступает и отдается ему личность, непосредственная исключающая единичность, истина и задушевность (*субъективная форма субстанциальности*) этого отношения происходят только из того, что обе стороны нераздельно отдаются ему; личность достигает своего права сознавать саму себя в другом лишь постольку, поскольку другой присутствует в этом тождестве в качестве лица, т. е. в качестве атомной единичности.

Примечание. Брак и по существу моногамия есть один из тех абсолютных принципов, на которых зиждется нравственность общественного союза; поэтому учреждение брака рассматривается как один из моментов основания государств богами или героями.

§ 168

Так как, далее, брак возникает из свободного желания отдаваться, желания этой бесконечной принадлежащей самой себе личности того и другого пола, он должен быть заключен не внутри уже по самой своей *природе тождественного* круга, члены которого знают друг друга до мельчайших подробностей и в котором индивиды не обладают по отношению друг к другу своеобразной для самой себя личностью, а должен заключаться между не связанными друг с другом, исконно отличными друг от друга личностями, принадлежащими к различным семьям. Поэтому

брак между *кровными родственниками* противоречит понятию, для которого брак есть нравственное действие свободы, а не связь непосредственно природных существ и удовлетворение их влечений; тем самым такой брак противоречит и истинному природному чувству.

Примечание. В тех случаях, когда брак рассматривался как учреждение, основанное не на *естественном праве*, а только на природном половом влечении, и как произвольный договор, а для моногамии приводили внешние основания, исходя даже из отношения числа мужчин и женщин, запрещение же брака между кровными родственниками обосновывали лишь смутными чувствами, — во всех этих случаях в основе лежало обычное представление о естественном состоянии и естественности права и отсутствие понятия разумности и свободы.

Прибавление. Против брака между кровными родственниками сразу восстает уже чувство стыда, но эта осмотрительность оправдывается и понятием предмета. Ибо то, что уже соединено, не может быть соединено браком. Со стороны чисто природных отношений известно, что спаривание между животными одного семейства дает более слабый приплод, так как то, чему следует соединиться, должно быть прежде раздельным; сила порождения, как и сила духа, тем больше, чем больше противоположности, из которых она воссоздается. Близость, знакомство, привычка к совместной деятельности не должны существовать до брака; они должны быть обретены только в браке, и это обретение имеет тем большую ценность, чем оно богаче и чем многочисленнее его части.

§ 169

Семья в качестве лица имеет свою внешнюю реальность в *собственности*, в которой она обладает наличным бытием своей субстанциальной личности лишь как в *имуществе*.

B. Семейное имущество

§ 170

Семья не только имеет собственность, для нее как для *всеобщего и непрерывно существующего лица* появляется потребность в постоянном и *обеспеченному владении*, в *имуществе* и его определении. Содержащийся в абстрактной собственности произвольный момент особенной потребности *единичного* и эгоизм *вожделения* превращаются

здесь в заботу об общем и в добывании средств для него, в нечто нравственное.

Примечание. В сказаниях об основании государства, или по крайней мере о нравственно упорядоченной общественной жизни, введение прочной собственности появляется в связи с введением брака. Впрочем, в чем это имущество состоит и каков подлинный способ его упрочения, выясняется в сфере гражданского общества.

§ 171

Семью как правовое лицо представляет в ее отношении к другим муж как ее глава. Ему надлежит, далее, преимущественно добывать вовне средства для семьи, заботиться об удовлетворении ее потребностей, ему же принадлежит право распоряжаться и управлять семейным имуществом. Это имущество — общая собственность, и ни один член семьи не обладает особенной собственностью, но каждый из них имеет право на общую собственность. Это право и принадлежащее главе семьи право распоряжаться семейным имуществом могут прийти в столкновение, поскольку в семье еще остается открытой непосредственность нравственной настроенности (§ 158), связанной с обособлением и случайностью.

§ 172

Посредством заключения брака конституируется новая семья, нечто для себя самостоятельное по отношению к родам или домам, из которых она вышла; связь с ними основана на природном кровном родстве, а новая семья основана на нравственной любви. Поэтому собственность индивида находится в существенной связи с брачными отношениями и лишь в более отдаленной связи с его родом или домом.

Примечание. Брачные договоры, содержащие ограничение общности имущества супругов, правовая защита жены и т. п. оправданы лишь тем, что они предусматривают возможность расторжения брака вследствие естественной смерти, развода и т. д. и служат мерами предосторожности, посредством которых в таких случаях отдельные члены семьи сохраняют свою долю в общем имуществе.

Прибавление. Во многих законодательствах семья рассматривается в ее более широких рамках, и отношения внутри ее считаются существенной связью, тогда как другая связь, связь каждой особой семьи, представляется менее прочной. Так, в древнейшем римском праве жен-

щина, состоящая в недостаточно прочном браке, находится в более тесной связи со своими родственниками, чем со своими детьми и своим мужем, а в эпоху феодального права сохранение *splendor familiae*⁸³ делало необходимым, чтобы к семье относили лишь членов семьи мужского пола и чтобы семья в целом считалась главной, тогда как вновь образавшаяся семья теряла свое значение по сравнению с ней. Несмотря на это, каждая новая семья является более существенной, чем более широкие связи кровного родства, и супруги и дети образуют подлинное ядро семьи в отличие от того, что в известном смысле также называется семьей. Поэтому имущественные отношения индивидов должны быть более существенно связаны с браком, чем с более широким кругом кровного родства.

C. Воспитание детей и распад семьи

§ 173

Единство брака, которое в качестве субстанциального есть лишь глубина чувства и настроенности, в качестве существующего же обособлено в обоих субъектах, становится в детях единством самого для себя *сущего существования и предметом*, который они любят как свою любовь, как свое субстанциальное наличное бытие. С природной стороны предпосылка о непосредственно наличных лицах — в качестве родителей — становится здесь результатом, и это продвижение проходит в виде бесконечного прогресса рождающихся и предполагающих друг друга поколений. Это тот способ, которым простой дух птенцов⁸⁴ выражает в конечной природности свое существование в качестве рода.

Прибавление. Отношение любви между мужем и женой еще не объективно, ибо, хотя чувство и есть субстанциальное единство, оно еще не имеет предметности. Этой предметности родители достигают лишь в своих детях, в которых они видят целое их связи. Мать любит в детях супруга, отец любит в них свою супругу; для обоих в ребенке перед ними предстает их любовь. Если в имуществе единство заключено лишь во внешней вещи, то в детях это единство пребывает в духовной сфере, в которой родители любими и которую они любят.

§ 174

Дети имеют право получать питание и воспитание на средства общего семейного имущества. Право родителей на

услуги детей как услуги основано на общности заботы о семье вообще и ею ограничивается. Так же и право родителей в отношении *произвола* детей определяется целью, которая состоит в дисциплинировании и воспитании детей. Цель наказаний есть не справедливость⁸⁵ как таковая, а субъективна и моральна по своей природе и состоит в устрашении еще плененной природой свободы и возвышении всеобщего в сознании и воле детей.

Прибавление. Человек не обладает инстинктивно тем, чем он должен быть, ему надлежит это обрести. На этом основано право детей на воспитание. Так же обстоит дело с народами при патриархальном правлении: люди получают пропитание из складов и не рассматриваются как самостоятельные и совершеннолетние. Услуги, которых родители вправе требовать от своих детей, могут поэтому иметь своей целью только воспитание и относиться лишь к нему: они не должны быть чем-то для себя, ибо отношение к детям⁸⁶ как к рабам — самое безнравственное отношение вообще. Главным моментом воспитания⁸⁷ является дисциплина, смысл которой в том, чтобы сломить своеование ребенка, истребить в нем чисто чувственное и природное. Не следует думать, что здесь можно обойтись добродой, ибо именно непосредственная воля действует, руководствуясь непосредственными фантазиями и прихотями, а не основаниями и представлениями. Если детям приводят основания, то им самим предоставляют решить, следует ли эти основания признавать, и ставят поэтому все в зависимость от их желания. На том, что родители составляют всеобщее и существенное, основана необходимость послушания детей. Если не воспитывать в детях чувство подчинения, вызывающее стремление стать взрослыми, в них развивается дерзость и нескромность.

§ 175

Дети суть *в себе* свободные, и жизнь есть непосредственное наличное бытие только этой свободы; поэтому они не принадлежат как вещи ни другим, ни родителям. Их воспитание имеет с точки зрения отношений в семье своим *позитивным* назначением то, чтобы нравственность была доведена в них до непосредственного, еще свободного от противоположностей *чувства* и чтобы душа ребенка прожила в этом чувстве как *основе* нравственной жизни свою первую жизнь в любви, доверии и послушании. Однако *негативное* назначение того же отношения состоит в том, чтобы возвысить детей над той природной непосредствен-

ностью, в которой они изначально пребывают, превратить их в самостоятельных и свободных личностей и сделать тем самым способными выйти из природного единства семьи.

Примечание. Рабское положение детей в римском обществе⁸⁸ — один из наиболее позорящих это законодательство институтов, и это оскорблении нравственности в ее наиболее глубокой и хрупкой жизни представляет собой один из важнейших моментов для понимания всемирно-исторического характера римлян и их ориентированности на правовую формализацию. Необходимость получить воспитание присутствует в сознании детей как присущее им самим чувство быть неудовлетворенными в себе, как они суть, как влечение принадлежать к миру взрослых, в котором они предчувствуют нечто высшее, как желание вырасти. Педагогика, пользующаяся игрой как средством воспитания, принимает уже само ребяческое как нечто имеющее значимость в себе, предлагает его в качестве такового детям и снижает в их понимании серьезность дела и самих себя до ребяческой формы, которую сами дети не считают чем-то достойным внимания. Стремясь таким образом представить в глазах детей незавершенность, ощущаемую ими как завершенность, и внушить им удовлетворение ею, данная педагогика нарушает и оскверняет их собственную, истинную, лучшую потребность и порождает частью безучастность и невосприимчивость к субстанциальным отношениям духовного мира, частью презрение к людям, которые представляли им в детстве этот мир ребяческим и презренным, а затем наслаждающимся собственным превосходством, тщеславием и самомнением.

Прибавление. Ребенком человек должен находиться у родителей в сфере любви и доверия, и разумное должно явить себя в нем как его собственнейшая субъективность. В первые годы особенно важно материнское воспитание, ибо нравственность должна быть укоренена в ребенке как чувство. Следует заметить, что в целом дети любят родителей меньше, чем родители детей, ибо они движутся к самостоятельности и крепнут, следовательно, оставляют родителей за собой, тогда как родители видят в них объективную предметность своей связи.

§ 176

Так как только брак есть непосредственная нравственная идея и тем самым имеет свою объективную действи-

тельность в глубине субъективной настроенности и чувства, в этом заключена первая случайность его существования. Так же как недопустимо принуждение при вступлении в брак, не может быть и правовой позитивной связи, которая была бы способна принудить к совместной жизни субъектов, если у них возникли антипатия, раздор и враждебные чувства и действия по отношению друг к другу. Но необходим некий третий нравственный авторитет, который мог бы выступить в защиту права брака, нравственной субстанциальности, против голого мнения о подобных отношениях и против случайности настроения данного момента и т. д., который способен был бы отличить это состояние от тотального отчуждения и констатировать последнее, чтобы лишь в таком случае позволить расторгнуть брак.

Прибавление. Так как брак зиждется лишь на субъективном, случайному чувстве, он может быть расторгнут. Напротив, государство разделения не допускает, ибо оно основано на законе.⁸⁹ Брак, правда, должен быть нерасторжимым, но здесь дальше этого *долженствования* идти нельзя. Однако, поскольку брак есть нечто нравственное, он может быть расторгнут не произвольно, а лишь посредством решения нравственного авторитета, будь то церковь или суд. Если наступило тотальное отчуждение, как, например, при нарушении супружеской верности, то и религиозный авторитет должен разрешить развод.

§ 177

Нравственный распад семьи состоит в том, что дети, ставшие вследствие воспитания свободными личностями, признаются совершеннолетними правовыми лицами, способными обладать собственной свободной собственностью и основать собственную семью — сыновья в качестве глав семьи, а дочери в качестве жен,— семью, в которой они теперь находят свое субстанциальное назначение, по отношению к которой их первая семья как лишь первое основание и исходная точка отступает на задний план; еще меньшими правами обладает абстракция рода.

§ 178

Естественный распад семьи вследствие смерти родителей, особенно отца, ведет к *наследованию имущества*; по своему существу это наследование есть вступление в собственное владение *в себе общим имуществом*, — вступление во владение, которое при более отдаленных степенях род-

ства и при характерном для гражданского общества рас-
сении, делающем самостоятельными лица и семьи, ста-
новится тем более неопределенным, чем более теряется
настроенность единства и чем в большей степени каждый
брак становится отказом от прежних семейных отношений
и основанием новой самостоятельной семьи.

Примечание. Странная фантазия усматривать основа-
ние наследования в том обстоятельстве, что вследствие
смерти владельца имущества оно становится *бесхозным*
и в качестве такового принадлежит тому, кто первым
вступил во владение им, а во владение им *большей частью*
вступают родственники, так как они *обычно* находятся
в ближайшем окружении умершего, причем такой обычный
случай якобы в целях сохранения порядка возводится
позитивными законами в правило,— такая фантазия остав-
ляет без внимания природу семейных отношений.

§ 179

Вследствие такого распада возникает свобода для про-
извола индивидов, которые могут либо вообще употреблять
свое имущество, руководствуясь желанием, мнением и це-
лями единичного, либо рассматривать круг друзей, зна-
комых и т. д. как свою семью и объявлять это вместе
с вытекающими из этого правовыми следствиями насле-
дования в завещании.

Примечание. В образовании такого круга, в чем и могло
бы заключаться нравственное оправдание воли, направлен-
ной на подобное распоряжение имуществом, такую боль-
шую роль играет, особенно поскольку оно ведет к заве-
щанию имущества, случайность, произвол, намеренное
преследование эгоистических целей и т. д., что нравствен-
ный момент становится чем-то очень смутным и признание
права произвольно составлять завещания чаще становится
поворотом для оскорблений нравственных отношений, для
подлых усилий и столь же подлой зависимости; вместе
с тем это позволяет также глупому произволу и хитрости
связывать с так называемыми благодеяниями и дарами на
случай смерти, после которой моя собственность и без того
перестает быть моей, условия, дающие повод и оправдание
для удовлетворения тщеславия и мучительного деспотизма.

§ 180

Принцип, согласно которому члены семьи становятся
самостоятельными правовыми лицами (§ 177), ведет
в кругу семьи к некоторому произволу и различию между

естественными наследниками; чтобы не нарушать основных отношений, оно может, однако, иметь место лишь в самых ограниченных размерах.

Примечание. Принципом *права завещания* не может быть только прямой произвол умершего особенно потому, что такой произвол противостоит субстанциальному праву семьи, чья любовь и уважение к умершему члену семьи только и может заставить ее считаться после его смерти с выраженным им произвольным решением. Подобный произвол не содержит для себя ничего такого, к чему следовало бы относиться с большим уважением, чем к семейному праву, вернее, наоборот. Ведь значимость последней воли заключается лишь в произвольном ее признании другими. Такая значимость может быть ей преимущественно придана лишь постольку, поскольку семейные отношения, которыми она поглощается, становятся более отдаленными и менее действенными. Недейственность же таких отношений там, где они в самом деле существуют, относится к области безнравственного, и расширенная значимость такого произвола за счет подобных семейных отношений содержит в себе ослабление такой нравственности. Превращение этого произвола внутри семьи в основной принцип наследования и относится к упомянутой выше жесткости и безнравственности римских законов, согласно которым отец мог даже продать сына в рабство, а если другие отпускали его на волю, то он возвращался во власть отца и лишь после троекратного освобождения становился действительно свободным; согласно этим законам, сын в римской семье вообще не становился *de jure* совершеннолетним и правовым лицом и мог владеть в качестве собственности лишь военной добычей *peculium castrense*, а после того, как он вследствие троекратной продажи в рабство и отпуска на волю выходил из-под власти отца, он без завещания не наследовал вместе с теми, кто еще оставался под семейным игом. Жена (если она вступала в брак не в состоянии рабства *in manum conveniret, in mancipio esset*, а в качестве *матроны*) также принадлежала не столько семье, в основании которой она участвовала и которая действительно была *её*, сколько той семье, откуда она происходила, и поэтому была исключена из числа наследников имущества ее *действительной* семьи так же, как члены этой семьи не наследовали имущество супруги и матери. О том, что по мере роста чувства разумности безнравственность этих и других подобных им законов была устранена в порядке судебных решений,

например с помощью выражения *вопогум possessio*⁹⁰ (то обстоятельство, что между этим выражением и выражением *possessio bonorum* в свою очередь есть различие, принадлежит к тем познаниям, обладание которыми делает человека ученым юристом), вместо *hereditas*⁹¹ *filia*⁹² посредством фикции превращалась в *filius*⁹³, выше уже упоминалось как о печальной необходимости для судей вводить разумное с помощью хитросплетений, чтобы устранить хотя бы некоторые последствия дурных законов. С этим связана также и ужасная неустойчивость важнейших институтов и беспорядочное введение в действие законов, направленное против возникающих из существующего положения зол. Какие безнравственные последствия имело для римлян это право произвольного составления завещания, достаточно известно из истории, из описаний Лукиана и других. В самой природе брака как непосредственной нравственности заключено смещение субстанциального отношения, природной случайности и внутреннего произвола; поскольку у римлян вследствие рабского состояния детей и других указанных и связанных с этим определений, в частности вследствие легкости разводов, произволу отдавалось преимущество перед правом субстанциального, так что даже Цицерон — а сколько прекрасного написано им о *honestum*⁹⁴ и *decorum*⁹⁵ в его «*De officiis*»⁹⁶ и в других сочинениях! — считал возможным развестись с женой, чтобы с помощью приданого новой жены расплатиться с долгами, то следует сказать, что порче нравов пролагался законный путь, или, скорее, в законах заключена ее необходимость.

Использование института наследственного права для сохранения блеска семьи посредством субSTITУций, *фидикомиссов*, исключения из числа наследников дочерей в пользу сыновей или всех остальных детей в пользу старшего сына или вообще посредством введения какого-либо неравенства отчасти нарушают принцип свободы собственности (§ 62), отчасти основаны на произволе, который в себе и для себя не имеет никакого права на признание, конкретнее же на мысли, что надо поддержать этот род или дом, а не эту семью. Но не *этот* дом или род, а семья как таковая есть та идея, которая обладает таким правом, и посредством свободы имущества и равенства в наследственном праве сохраняются вернее, чем посредством противоположного, как нравственная форма, так и семья. В такого рода институтах, как в римских, право брака (§ 172) вообще не признается; не признается, что

брак служит полным основанием для создания собственной действительной семьи и что по сравнению с ней то, что вообще именуется семьей, *stirps, gens*⁹⁷, становится с каждым поколением все более отдаленной и недействительной абстракцией (§ 177). Любовь, нравственный момент брака, есть как чувство любви, направленное на действительных, наличных индивидов, а не на нечто абстрактное. О том, что рассудочная абстракция проявляет себя как всемирно-исторический принцип Римской империи, см. ниже, § 357. Относительно же того, что высшая политическая сфера необходимо приводит к признанию права первородства и неприкосновенного родового имущества, проис текающего не из произвола, а из идеи государства, см. ниже, § 306.

Прибавление. У римлян в более ранние времена отец мог лишать своих детей наследства, мог и убивать их; позже уже не разрешалось ни то, ни другое. Это непоследовательное соединение безнравственного с более нравственными установлениями последующего времени пытались ввести в систему, а сохранение этой системы привело к трудностям и ошибкам в нашем наследственном праве. Завещания могут быть, правда, разрешены, но при этом необходимо исходить из того, что это право на произвол возникает или возрастает вместе с распадом семьи и отдалением друг от друга ее членов и что так называемая семья на основе дружбы, которую создает завещание, может быть признана только при отсутствии ближайших членов семьи, созданной браком, и детей. С завещаниями вообще связано нечто превратное и неприятное, ибо в завещании я объявляю, кто те, которые пользуются моей благосклонностью. Но благосклонность произвольна; ее можно тем или иным путем добиться хитростью, связать с тем или иным нелепым основанием и ради этой благосклонности от будущего наследника можно требовать самого низкого поведения. В Англии, где вообще чрезвычайно распространены чудачества, с завещаниями связывается бесконечное множество нелепых затей.

Переход от семьи к гражданскому обществу

§ 181

Семья естественным образом и существенно благодаря принципу личности разделяется на множество семей, которые вообще относятся друг к другу как самостоятельные конкретные лица и тем самым внешне. Иначе говоря,

моменты, связанные в единстве семьи как нравственной идеи, которая еще содержится в ее понятии, должны быть отпущены этим понятием в самостоятельную реальность. Это ступень *дифференции*. В ближайшем абстрактном выражении это дает определение *особенности*, которая, правда, соотносится с всеобщностью так, что всеобщность представляет собой основу; но основу лишь *внутреннюю* и поэтому есть формальным образом, лишь *светит* в особенности. Это отношение рефлексии выражает прежде всего утрату нравственности, или, другими словами, так как нравственность в качестве сущности необходимо есть *являющаяся*, она составляет мир *явлений нравственного — гражданское общество*.

Примечание. Расширение семьи как ее переход к другому принципу есть в существовании либо спокойное расширение семьи до превращения в народ — в *нацию*, которая тем самым имеет общее естественное происхождение, либо сочетание разбросанных семейных общин посредством господской власти или посредством добровольного объединения, вызванного близостью потребностей и взаимодействием в их удовлетворении.

Прибавление. Исходная точка всеобщности здесь — самостоятельность особенностей, и нравственность кажется тем самым на этой точке зрения потерянной, ибо для сознания тождество семьи есть, собственно говоря, первое, божественное и требующее выполнения долга. Теперь же выступает отношение, согласно которому первым определяющим для меня должно быть особенное; и тем самым нравственное определение упраздняется. Но по существу я просто заблуждаюсь, ибо, хотя и полагаю, что сохраняю особенное, первым и существенным остается всеобщее и необходимость связи, и я, следовательно, вообще нахожусь на ступени видимости; моя особенность остается для меня определяющей, т. е. целью, но я служу этим всеобщности, которая, собственно говоря, и сохраняет надо мной последнюю власть.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

§ 182

*Одним принципом гражданского общества является конкретное лицо, которое есть для себя как *особенная цель*, как целостность потребностей и смешение природной необходимости и произвола, но особенное лицо как существо*